

43. ПСРЛ. — СПб., 1843, т. 2.
44. ПСРЛ. — М.: Вост. лит.-ра, 1962, т. 2.
45. Описание церквей и приходов Минской епархии. — Минск, 1879, т. 9.
46. Малевская М. В. Монументальные сооружения новогрудского детинца XIV—XV вв. (по материалам раскопок 1968 г.). — КСИА, 1973, вып. 135.
47. Rašuto V., Štal I. Gedimino laiškai. — V.: Mintis, 1966.
48. Любавский М. К. Областное деление и местное управление литовско-русского государства. — М., 1893.
49. Ткачоў М. О. Замкі Беларусі. — Мінск: Польша, 1977.

DIE KULTURVERBINDUNGEN DER ALTRUSSISCHEN STÄDTE IN BELORUSSLAND MIT OSTBALTIKUM

F. Gurewitsch

Zusammenfassung

Enge Kulturverbindungen der altrussischen Städte in Belorussland mit Ostbaltikum sind am besten durch die Ausgrabungen im Polotzker Gebiet und in den sogenannten Schwarzrussland belegt. Seit dem Bestehen der Städte übte die reiche Metallkultur Ostbaltikums auf die Juwelierkunst dieses Landes einen grossen Einfluss aus. In diesen Städten waren auch die baltischen Einfuhrwaren am stärksten vertreten.

Im 12. bis 13. Jahrhundert wurden von Kurland auch Waffen eingeführt, und im Ostbaltikum waren in gleicher Weise die im Polotzker Land und in Schwarzrussland gefertigten Waren bekannt. Vielleicht wurde auch die Keramik der Westslawen, die in Süd- und Westlitauen verbreitet war, von den aus dem Flussgebiet des Nemunas dorthin abgedielten Westslawen hereingebracht.

Die archäologischen und sprachlichen Materialien zeigen auch, dass im 11. Jahrhundert in bestimmten Kreisen der ostbaltischen Bevölkerung schon das Christentum sich zu verbreiten begann. In diesem Zusammenhang ist es wichtig, die Bedeutung der Polotzker Sofia-Kirche hervorzuheben.

Mit dem Eintritt der altrussischen Städte in Belorussland in den Bestand des litauischen Staates lässt sich in ihren Kultur eine Vereinigung der altrussischen Traditionen mit der Kultur des mittelalterlichen Litauens festzustellen.

СЛАВЯНО-БАЛТСКИЕ СВЯЗИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЕЛОРУССИИ)

Я. Г. Зверуго (Минск)

Почти общепризнанно мнение о формировании балтов на обширной территории от Балтийского моря и Нижней Вислы на западе до верховьев Днепра и Оки на востоке, от Западной Двины на севере до Припяти на юге [1, с. 49—142; 2, с. 9—33; 3, с. 102—113; 4, с. 7—13; 5, с. 229—251]. Западными и южными соседями балтов были славяне.

Начиная с первых веков н. э. происходит расселение славянских племен в восточные и южные области древнего балтского ареала. В период с VII по X в. славяне осваивают почти всю территорию современной Белоруссии, постепенно ассимилируя проживавшее здесь балтоязычное население. Славянизированные потомки балтов сливаются

с пришлым славянским населением, внося заметный вклад в формирование древнерусской, а позже — белорусской народности [6, с. 162—192; 7, с. 14—21; 8, с. 5—10].

Ассимиляция балтов Верхнего Поднепровья, Полоцко-Витебского Подвинья и Верхнего Понеманья продолжалась вплоть до XII—XIII вв. Часть балтского населения была, по-видимому, оттеснена на северо-запад, небольшая его часть, возможно, истреблена, но основная масса осталась жить на прежних местах, образуя кое-где значительные острова среди славян-пришельцев [6, с. 191—192].

Постоянной этнической границы между славянами и балтами в раннем средневековье не было. На заключительном этапе колонизации она может быть установлена с большой долей условности. По мнению Г. Ловмянского, литовско-русскую политическую границу в XII—XIII вв. определяли древнерусские порубежные города: Гродно, Волковыск, Слоним, Новогрудок, Минск, Заславль, Логойск. Это, по его словам, была древняя политическая граница Киевской Руси, а до этого — племенная граница дреговичей и кривичей, установленная в период завершения колонизации. Однако колонизация дреговичей и кривичей очень рано перешла через этот рубеж [8, с. 81—82]. Восточную границу компактного литовского населения Г. Ловмянский проводит по линии Мереч, Эйшишкес, Ошмяны, оз. Свирь, Верховья Дисны [10, с. 53—59].

На основании преимущественно лингвистических и этнографических данных, а также сведений археологии этническую славяно-литовскую границу к моменту образования Древнерусского государства большинство исследователей проводят приблизительно по линии: Освейское озеро — Дисна — Плисса — Будслав — Заславль — Рубежичи — Деревная — Белица — Слоним — Волковыск [6, с. 111; 11, с. 92—93, прим. 281; 12, с. 13—15; 13, с. 523—543; 14, с. 245—257; 15, с. 76—77; 43, с. 80, 82]. К XII—XIII вв. эта граница отодвинулась на запад и северо-запад. Славяне освоили значительную часть правого берега Немана. Однако островки литовского населения имелись в районе Докшиц, Радошкович, Першай, Дятлова, Ружан. В то же время окруженные литовским населением островки славян зафиксированы вдоль всего правого берега Немана от Гродно до устья Березины [9, с. 82—83; 14, с. 248—252; 15, с. 136—137].

Рассялаясь в среде балтского населения, славяне переняли от него некоторые детали погребального ритуала. По мнению В. В. Седова, это захоронения умерших в специальных домовинах-теремках и на кострищах в основании курганной насыпи, восточная ориентировка погребенных и обычай ставить глиняные горшки в изголовьи покойника. Если обряд захоронения в теремках встречается только в северной части земли дреговичей (на той территории, где до прихода славян жили потомки носителей культуры штрихованной керамики), то обряд очищения огнем поверхности, на которой помещался покойник, был распространен у дреговичей, полочан, смоленских кривичей и радимичей, т. е. во всех областях, где славяне соприкасались с древним балтским населением [6, с. 87, 89, 115, 137]. Повсеместно, хотя и сравнительно в небольшом количестве, на всей территории Белоруссии встречаются

погребения с восточной ориентировкой покойников. Эта особенность погребального ритуала характерна почти исключительно для мужских захоронений (в женских встречается весьма редко). Захоронения с глиняными горшками в изголовьи умершего сосредоточены преимущественно в северной части дреговичской земли [6, с. 86, 90, 117, 138].

Отражением погребальных традиций балтских племен является, по всей вероятности, использование камней при сооружении курганных насыпей [16, с. 99–100; 17, с. 130–131]. В кургане близ городища Муравельник в Волковыске камни, лежавшие у основания насыпи, образовали что-то вроде концентрических кругов, а в центре имелось ядро размером 4,4х3,5 и высотой 0,85 м, сложенное из плотно прилегающих друг к другу камней [18, с. 130]. У основания кургана возле д. Матрони Волковысского р-на почти на всей его площади залегала сплошная вымостка из крупных (диаметром до 0,5 м и более) и средней величины камней [19, с. 418]. Большое количество камней вокруг захоронений по обряду трупосожжения отмечено в некоторых курганах окрестностей Новогрудка [20, с. 40]. Много камней, в том числе в изголовьи и у ног погребенных, зафиксировано в курганах XIII–XIV вв. у д. Камено Вилейского р-на [21, с. 386].

Балтским по своему происхождению являлся обычай класть в могилу предметы вооружения. В восточнолитовских курганах V–VIII вв. почти в каждом мужском захоронении встречаются топор и один, а то и два-три наконечника копий [22, с. 137]. Погребения с копьями встречены в длинных курганах Белоруссии, а в круглых курганах полцко-смоленских кривичей и дреговичей — и с копьями, и с топорами. Характерно, что большая часть находок этих предметов происходит из пограничных славяно-литовских и славяно-латгальских районов [6, с. 91, 101, 119–121].

Наряду с типично славянскими предметами в погребальном инвентаре раннесредневековых курганных могильников на территории Белоруссии встречаются вещи, относящиеся к балтским древностям. В условиях чрезвычайно сложной этнической ситуации, существовавшей тогда в рассматриваемом регионе, часть этих вещей была, по-видимому, заимствована славянами у балтов, другая принадлежала ассимилированному и третья — субстратному населению.

В длинных курганах, основная масса которых датируется VIII–IX вв., найдены бронзовые спиральки и ложноспиральные трубочки, пластинчатые височные кольца с заходящими концами, трапециевидные прически со штампованным орнаментом, костяные уточки и другие вещи, которые имеют широкие прибалтийские аналогии. Наличие этих вещей В. В. Седов объясняет тем, что среди захоронений длинных курганов имеются погребения местного восточнобалтского населения. Такие же находки встречаются и в кривичских круглых курганах IX–XI вв. [6, с. 101–103, 113; 8, с. 20–22]. Следовательно, ассимиляция балтов продолжалась несколько столетий.

В древнерусских курганах X–XIII вв. во множестве найдены балтские украшения, фибулы (рис. 1). Они распространены почти на всей

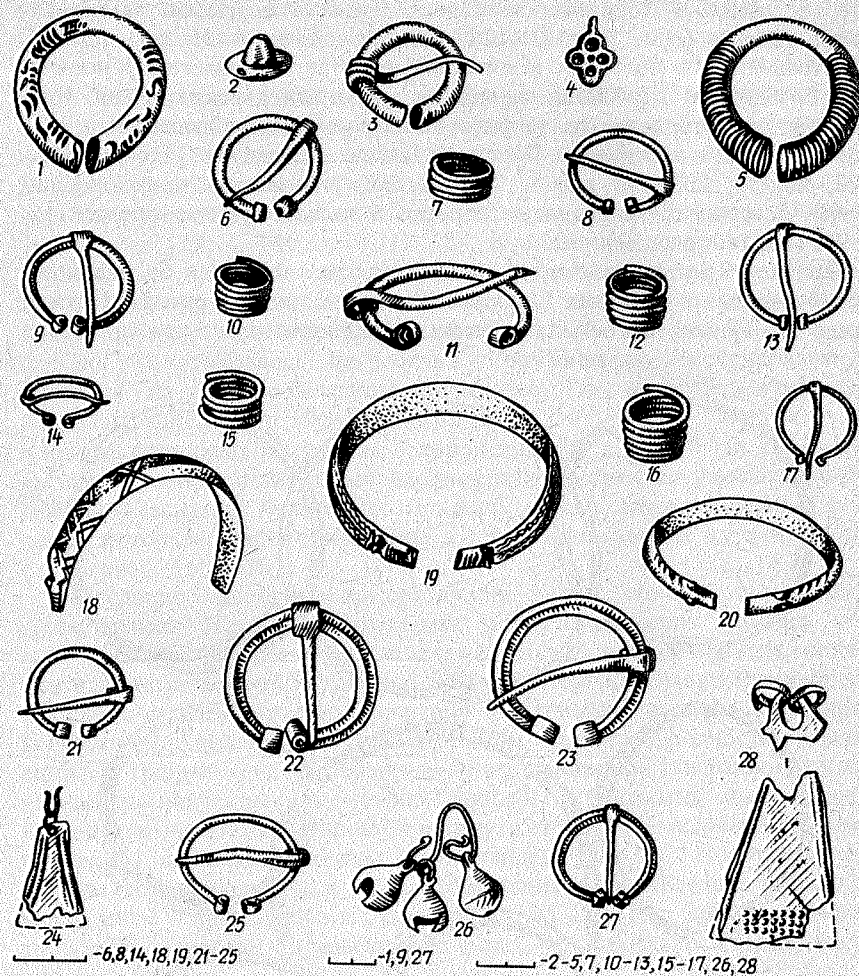

Рис. 1. Украшения из курганных могильников: 1, 3, 18 — Навры; 2, 4, 7, 10, 12, 13, 15–17, 26 — Новинки; 5 — Сулятичи; 6, 8 — Городиловка; 9, 21, 22 — Багриново; 11, 20, 28 — Черновичи; 14, 24 — Рудня-Салатки; 19 — Кубличи; 23, 25, 27 — Заславль

территории Белоруссии, но наибольшее сосредоточение наблюдается в западных и северо-западных районах, там, где славяне соседствовали с балтскими племенами.

Весьма многочисленные находки подковообразных фибул с различными по оформлению концами известны на всей территории юго-восточной Прибалтики в течение очень длительного времени, вплоть до позднего средневековья [23, р. 476–482, раv. 343–352; 24, таб. 48: 6–12, 52; 19–23, 57; 17, 19–21 и др.]. В курганах Белоруссии они

сосредоточены в Подвинье, верховьях Птичи и Березины, на левобережье Днепра [6, с. 90, 123–124, рис. 36; 25, с. 34–35, рис. 2]. Распространенные в большом количестве в Литве и Латвии звериноголовые браслеты в XI–XII вв. проникают в западнорусские земли. Наибольшее их скопление на территории Белоруссии наблюдается в верховьях Птичи и междуречье Западной Двины и Березины [6, с. 90, 121–122, рис. 36; 26, с. 30, рис. 1]. В курганах кривичей, дреговичей и радимичей встречаются спиральные перстни и звездообразные пряжки [6, с. 90, 123, 140, рис. 39].

Прибалтийскими по своему происхождению являются большинство обнаруженных в курганах Белоруссии шейных гривен (рис. 2). Прежде всего это гривны с костылевидными, седловидными и конусовидными

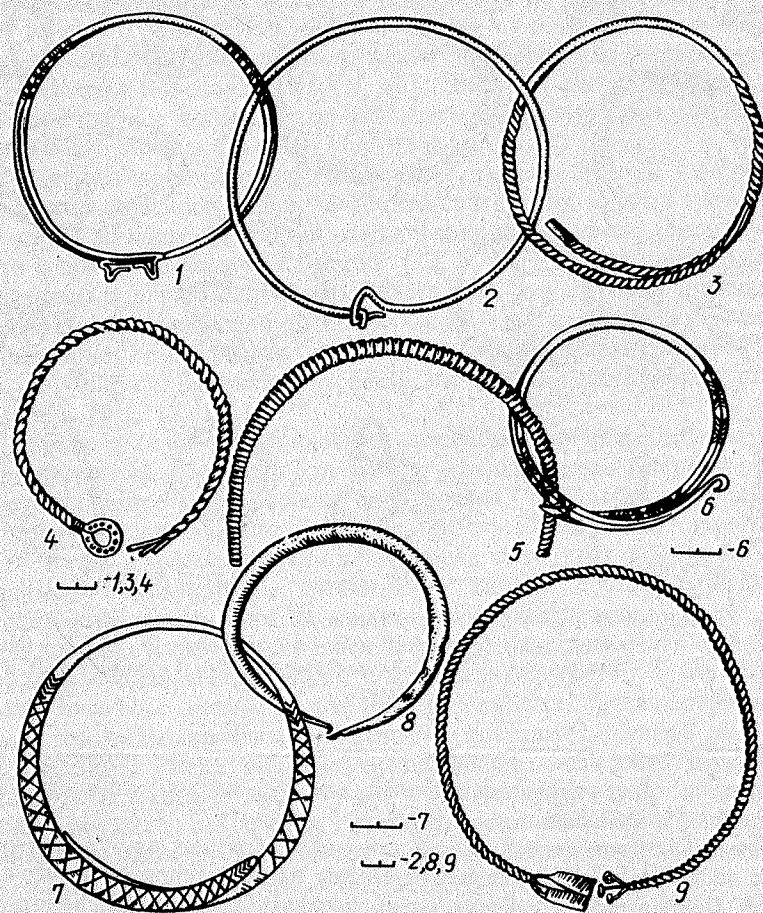

Рис. 2. Шейные гривны с территории Белоруссии: 1 – Гребень; 2 – Узляны; 3 – Новинки; 4, 5 – Черновичи; 6 – Заславль; 7 – Рудня-Салатки; 8, 9 – Милковичи

концами, а также с концами в виде заходящих друг за друга пластин. Основное сосредоточение находок наблюдается в Подвинье, верховьях Птичи и Березины [27, с. 35–50, рис. 1, 2]. В 1927 г. близ д. Милковичи Солигорского р-на найден клад, состоящий из серебряного браслета и пяти серебряных гривен, в том числе с конусовидными концами. А. Н. Лявданский датировал клад X в. [28, с. 245–246, табл. II: 2, 3]. Ближайшей аналогией милковичским гривнам является находка из восточнолитовского курганного могильника у д. Лынтупы Постаевского р-на [29, с. 146, табл. IX: 2]. К балтским по происхождению В. В. Седов относит распространенные у радимичей шейные гривны с заходящими розеткообразными концами, а также петельчатые и бизиллоидные привески, костяные уточки [6, с. 138–140, рис. 39].

Как уже отмечалось погребения с оружием сконцентрированы в основном на славяно-балтском пограничье. Так, например, в курганном могильнике у д. Навры Мядельского р-на топоры обнаружены в шести из одиннадцати мужских захоронений [30, с. 40–41, таб. II: 7–12]. Наряду с широколезвийными неоднократно встречены узколезвийные топоры (Заславль, Черновичи, Лукомль и др.), многочисленные аналогии которым широко известны в восточнолитовских курганах [22, с. 137, рис. 5–6, 8–10].

Безусловно, ошибочно предположение о том, что все эти находки принадлежали балтскому населению. Более правомерно полагать, что они оставлены и балтами, и славянами. Отсюда вполне понятна многократная встречаемость балтских вещей с типично славянскими предметами в одних и тех же комплексах. Отмечено и такое сочетание: погребальный инвентарь – славянский, а элемент обрядности – балтский. В Навранском могильнике, принадлежавшем смешанному кривичско-дреговичскому населению, топоры с боковыми щеквицами и удлиненным обухом относятся к типу, который, по мнению А. Н. Кирпичникова, является русским изобретением (тип IV). На Руси такие топоры появляются еще в X в., а большинство зарубежных аналогий, в том числе и прибалтийских, относятся к XI в. [31, с. 36–37]. Обычай же класть в могилу оружие принадлежал, как отмечалось выше, балтскому населению.

К XI–XIII вв. в результате многовекового этнического смешения многие элементы материальной и духовной культуры были заимствованы славянами у балтов, другие, наоборот, проникли от славян к балтам. Среди славянского в своей массе населения на территории Белоруссии в то время существовали островки древних балтов, а также более поздних переселенцев из прибалтийских земель [32, с. 85–90; 33, стб. 874; 34, с. 151–160]. Присутствие балтского этнического элемента засвидетельствовано в материале раскопок городов прежде всего пограничной зоны (Полоцкой земли, Черной Руси) – наиболее убедительном свидетельстве тесных культурно-экономических контактов между славянами и балтами в X–XIII вв. Одна из важнейших форм этих контактов была торговля.

Первое место среди прибалтийского импорта исследователи тради-

ционно отдают янтарю (рис. 3). В городах на территории Белоруссии встречены как куски необработанного янтаря, так и готовые изделия. В Волковыске, напр., в одном месте найдено двадцать кусков необработанного янтаря („Шведская гора”, 1954 г., квадрат 24). В. Р. Тарасенко высказал предположение о том, что изготовление янтарных поделок происходило в мастерских, существовавших на самом городище [35, с. 272]. Готовые изделия в материале раскопок этого города представлены привесками-крестиками, бусами и перстнями. Куски янтаря и готовые изделия (бусы и перстни) обнаружены в околном городе Новогрудка, в слоях XII–XIII вв. По мнению Ф. Д. Гуревич, обработка янтаря началась здесь в XII в. [36, с. 145, 148]. В необработанном виде янтарь встречен в Полоцке, Минске, Витебске, Лукомле. Отдельные изделия известны по раскопкам в Гродно [37, с. 115; 38, рис. 31, 32].

Из числа импортных металлических изделий наиболее многочисленными являются украшения (рис. 4). Прежде всего это вышеупомянутые подковообразные фибулы. В Волковыске таких фибул, датированных X–XIII вв., найдено 17 экз. Подковообразные фибулы обнаружены в соседнем Гродно как в слоях первоначального поселка конца XI в., так и в слоях XII–XIII вв. [18, рис. 14: 7–9, 13–16; 38, рис. 16: 7, 9,

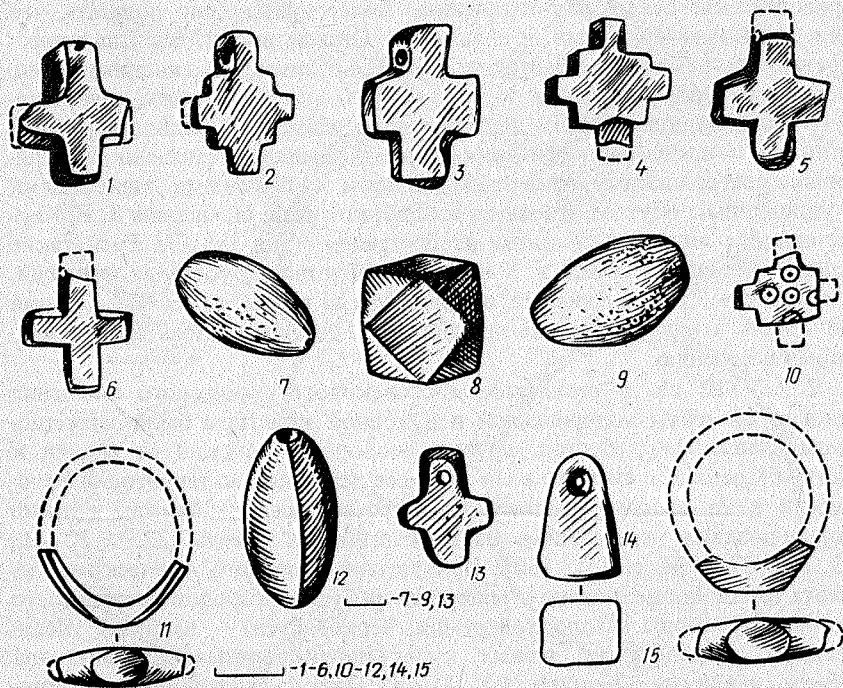

Рис. 3. Янтарные изделия из раскопок городов: 1, 2, 4–6, 10–12, 15 – Волковыск; 3 – Гродно; 7–9, 13 – Полоцк; 14 – Лукомль

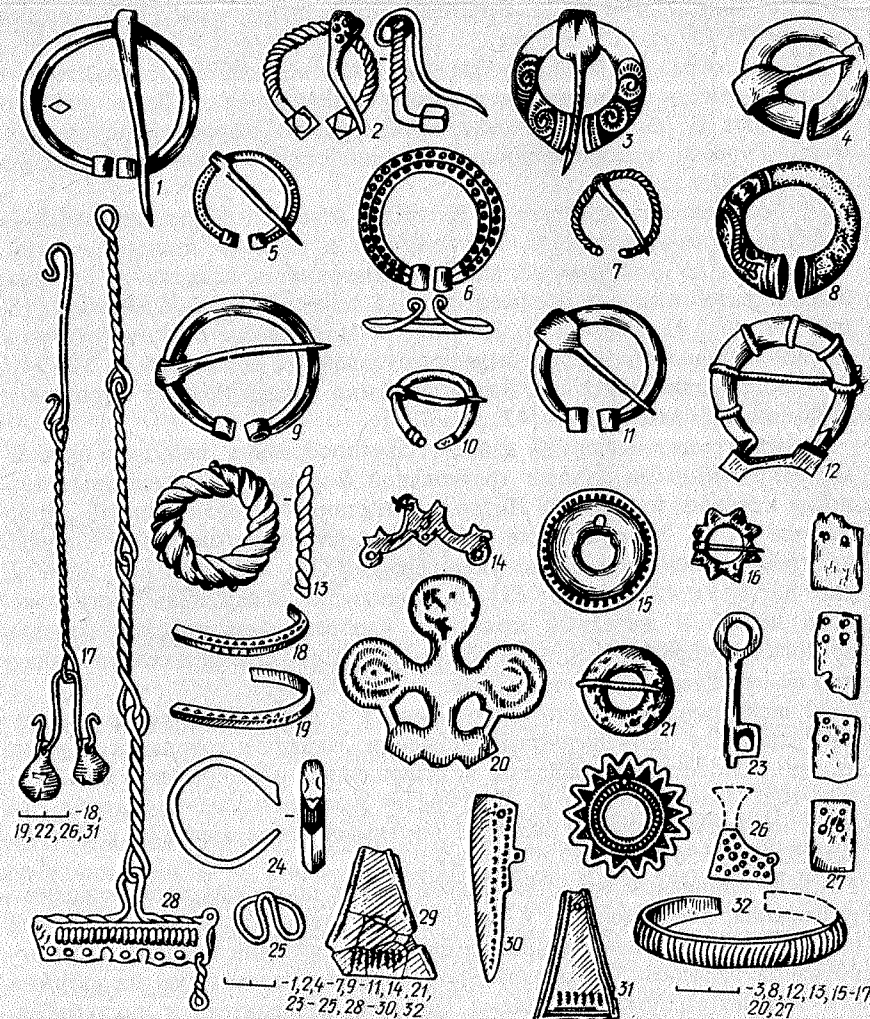

Рис. 4. Украшения из городов Белоруссии: 1, 2, 4, 6, 7, 10, 24 – Волковыск; 3 – Логойск; 5, 11, 14, 18, 19, 21, 30 – Браслав; 8, 12, 23 – Гродно; 9, 28, 31 – Лукомль; 13, 15–17, 20, 25, 27, 29 – Новогрудок; 22 – Копысь; 26 – Минск; 32 – Полоцк

31: 3, 5]. Несколькими типами представлены эти украшения в материале раскопок Новогрудка [35, рис. 14; 36, рис. 5, 6]. Крупная фибула со звездчатыми концами, инкрустированная серебром, встречена в Бресте [39, рис. 14, 22]. Особый интерес представляют фибулы с утолщенными концами и круглым или овальным сечением колец. Поверхность их нередко украшена растительным или геометрическим орнаментом. Такие застёжки найдены в Гродно, Волковыске, Ново-

грудке, Минске, Логойске, Браславе, Борисове [18, рис. 14: 2, 4; 36, рис. 59: 25; 37, с. 115; 38, рис. 31: 6].

Таким образом, подковообразные фибулы, наиболее характерные принадлежности древнего балтского костюма, в X–XIII вв. широко проникают в обиход населения древнерусских городов. По мнению Ф. Д. Гуревич, вскоре подобные изделия стали производить местные мастера [40, с. 54–55].

В Волковыске, Браславе и Витебске обнаружены звериноголовые браслеты преимущественно треугольного и сегментовидного сечений. У браслета из Волковыска лицевая поверхность гладкая, у браславских и витебских она орнаментирована точечными углублениями [18, рис. 14, 17; 41, рис. 47: 1, 2, 4, 5]. З. М. Сергеева считает, что часть звериноголовых браслетов была изготовлена на месте [26, с. 32–34]. В Полоцке при раскопках Верхнего замка найден браслет куршского типа конца X–начала XI в. [42, рис. 3, 5].

В Новогрудке и Копыси найдены звездообразные фибулы с плоскими закругленными лучами треугольной формы, многочисленные аналоги которым известны в Литве и Латгалии [6, рис. 39; 36, рис. 19: 6; 37, рис. 3, 7]. В Новогрудке и Браславе встречены округлые фибулы, идентичные прибалтийским украшениям XIII–XIV вв. [36, с. 112, рис. 85: 8, 9; 43, рис. 45: 13]. В Новогрудке обнаружены части поясного набора и железный крючок с изображением конской головы, аналогии которым известны в памятниках Прибалтики и северо-западных земель Руси [36, с. 44, 112, рис. 30: 17, 90: 6].

К числу довольно часто встречаемых в городах Белоруссии украшений относятся трапециевидные привески. Наряду с готовыми украшениями в Новогрудке найдены незавершенные изделия (в постройках 5 и 10). Это позволило Ф. Д. Гуревич высказать предположение, что часть привесок была изготовлена местными мастерами [36, с. 57, 74, рис. 20: 3, 35: 6 и др.; 40, с. 55–56].

Среди единичных находок прибалтийских по своему происхождению украшений, обнаруженных в Новогрудке, следует отметить массивный перстень с заходящими концами, фрагмент одежной булавки с крестообразной головкой, четырехчастную привеску, состоящую из стержня с S-образно загнутыми концами, цепочки, разделителя и двух бубенчиков [36, с. 11–12, 47, 82, рис. 5, 7, 35: 12, 66: 19]. Из числа единичных украшений прибалтийских типов, встреченных в Браславе, выделены костяная привеска-амулет и бронзовая привеска-держатель [43, рис. 45: 4, 8]. Найденное в Лукомле пятичастное украшение, состоящее из четырех круглопроволочных перекрученных звеньев и держателя с семью отверстиями, тоже, вероятно, происходит из Прибалтики [44, рис. 14: 6]. Часть привесок-амулетов в виде топориков и ключей, обнаруженных в Гродно, Новогрудке, Бресте, Минске, Лукомле [36, рис. 90: 8; 37, рис. 28: 16; 38, рис. 33: 10], также следует связывать с прибалтийскими древностями.

Из Прибалтики в города Белоруссии попали такие предметы вооружения (рис. 5), как бронзовое перекрестье меча со стилизованными

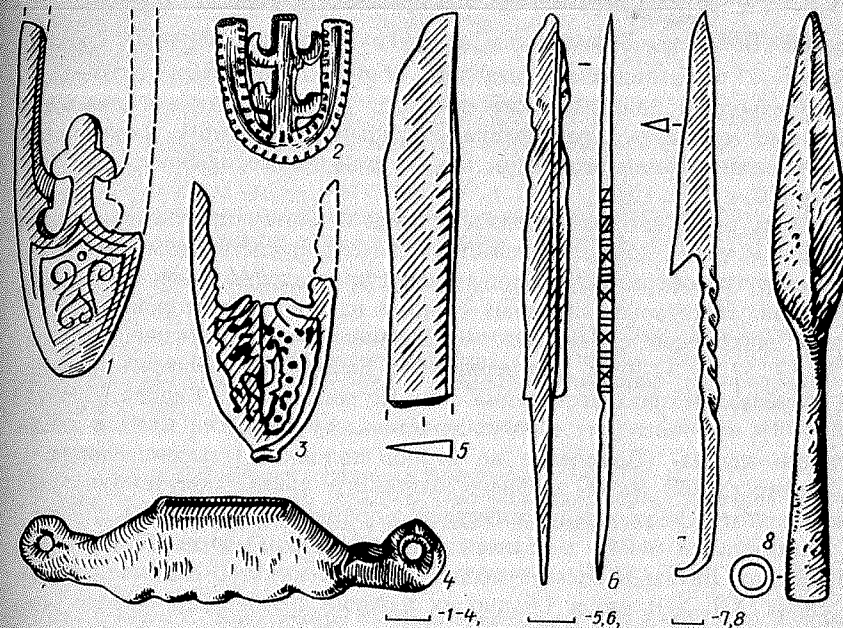

Рис. 5. Предметы вооружения и орудия труда из раскопок городов: 1 – Полоцк; 2, 4–6 – Новогрудок; 3, 7, 8 – Волковыск

головками птиц или драконов (Новогрудок), бронзовые наконечники ножен мечей (Новогрудок, Волковыск, Полоцк) [18, рис. 32: 9, 11; 36, с. 39, 107, рис. 28: 4, 88: 2; 37, рис. 33: 17]. Многие орудия не только пограничной зоны, но и внутренних районов Белоруссии и Прибалтики (топоры, сошники, косари, косы, серпы, ножи и др.) как по внешнему виду, так и по конструктивным особенностям, технологии изготовления не отличаются друг от друга. Не случайно один из основных типов древнерусских серпов условно назван русско-литовским [45, с. 73]. В 1972 г. в землянке XII–начала XIII в. на коложском плато в Гродно найдены четыре сложенных парами сошника асимметричной формы и три серпа [46, с. 72, 75, рис. 1: 3, 7, 8, 2: 1–5]. Они имеют абсолютные параллели в материале раскопок городища Майшягала [47, раб. VI, VIII]. Встреченные в Новогрудке ножи с насечкой на обухе или клинке находят себе соответствие в материале Асотского городища [36, с. 32, 59, рис. 21: 3, 51: 8; 49, табл. XI: 12, 17].

Металлографические исследования железных орудий труда и предметов вооружения показали, что и славянские, и балтские кузнецы X–XIII вв. успешно владели различными технологическими приемами [47, р. 130–131; 48, с. 177–184]. По-видимому, в железообрабатывающем ремесле происходило взаимное обогащение производственными навыками. Однако в обработке цветных металлов заметно влияние Прибалтики на развитие ювелирного дела в Гродно, Ново-

грудке, Полоцке, Волковыске и других городах. Местные мастера наряду с изготовлением изделий общерусского характера часто воспроизводили прибалтийские образцы. Ярким примером являются височные кольца с характерным спиральным завитком, встреченные как в самом Новогрудке, так и в курганном могильнике у д. Бретьянка [50, с. 120–121].

Весьма отчетливо взаимосвязи славян и балтов прослеживаются в гончарном деле, домостроительстве, сельскохозяйственном производстве и других сферах жизни и деятельности населения обоих этнических регионов. Некоторые глиняные горшки из восточнолитовских курганов и синхронных славянских могильников почти не различимы [51, с. 4–12; 52, с. 52–69]. Для территории Белоруссии и Литвы характерна столбовая техника возведения стен. По мнению В. В. Седова [6, с. 48, 49, 179], она восходит к домостроительству балтских племен эпохи раннего железа. (Появление во второй половине I тысячелетия н. э. в юго-восточной части древнего балтского ареала полуземляночных жилищ этот исследователь связывает с проникновением сюда славян.)

Значительное место в Белорусском Помеманье и на занеманских городищах Литвы в составе возделываемых культур занимали бобы. В слоях XII–XIII вв. в Гродно их найдено значительно больше, чем зерен хлебных злаковых. В связи с этим А. В. Кирьянов высказал предположение, что горох и конские бобы являются, по-видимому, аборигенными в Гродненской земле. На занеманских городищах Литвы зернобобовые культуры тоже доминируют [47, р. 129; 53, с. 206–207].

С включением западнобелорусских земель в состав Великого княжества Литовского начинается новый этап в славяно-балтских отношениях. К языковой и культурной близости предшествующей поры прибавляется общность исторического развития в пределах одного государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. — В кн.: ВЭИ. Таллин: Эстонское государственное изд-во, 1956.
2. Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен. — СА, 1958, № 2.
3. Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. — М.—Л.: Наука, 1966.
4. Мугуревич Э. С., Таутавичюс А. З. Состояние и задачи археологического изучения этногенеза балтских народов. — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
5. Топоров В. Н., Трубачев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.
6. Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. — М.: Наука, 1970.
7. Седов В. В. Балты и славяне в древности (по данным археологии). — В кн.: ИДИБ. Рига: Зинатне, 1980.
8. Очерки по археологии Белоруссии. — Минск: Наука и техника, 1972, ч. 2.
9. Łowmiański H. Początki Polski. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1967, t. 3.

10. Łowmiański H. Studia nad początkami społeczeństwa i państwa litewskiego. — Wilno, 1930, t. 1.
11. Łowmiański H. Początki Polski. — Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1963, t. 2.
12. Видугирис А. Ю., Климчук Ф. Д. Некоторые вопросы этноязыковых процессов на балто-восточнославянском пограничье. — В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. М.: Наука, 1978.
13. Гринблат М. Я. К вопросу об участии литовцев в этногенезе белорусов. — В кн.: ТПОКЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 1.
14. Охманский Е. Литовско-кривичское пограничье в племенную эпоху. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев: Наукова думка, 1972.
15. Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Помеманья. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
16. Ляўданскі А. Н. Раскопкі і археалёгічныя разведкі у Барысаўскім павеце. — В кн.: Навуковы зборнік інстытуту Беларускае культуры. Мінск, 1925.
17. Завитневич В. З. Археологические розыскания в бассейне реки Березины. — ОАК за 1882 г. СПб., 1894.
18. Зверуго Я. Г. Древний Волковыск. X—XIV вв. — Минск: Наука и техника, 1975.
19. Зверуго Я. Г. Раскопки курганов в Помеманье. — АО-1975. М., 1976.
20. Павлова К. В. Балтские элементы в погребальном обряде курганов окрестностей древнего Новогрудка. — В кн.: ПЭБ. Вильнюс, 1981.
21. Зверуго Я. Г. Исследования в Верхнем Помеманье. — АО-1974. М., 1975.
22. Таутавичюс А. З. Восточнолитовские курганы. — В кн.: ТПОКЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1959, т. 1.
23. Kulikauskas P., Kulikauskienė R., Tautavičius A. LAB. — V.: Valst. polit. ir moksl. lit. leidykla, 1961.
24. LAR. — Riga: Zinātne, 1972.
25. Сергеева З. М. О подковообразных фибулах с утолщенными концами на территории древней Руси. — КСИА, 1977, вып. 150.
26. Сергеева З. М. К изучению культурно-экономических связей западнорусских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов). — КСИА, 1981, вып. 164.
27. Сергеева З. М. О прибалтийских шейных гривнах в древнерусских памятниках X—XIII вв. — КСИА, 1978, вып. 155.
28. Ляўданскі А. Розныя знаходкі. — В кн.: Працы сэкцыі археалёгіі. Мінск, 1932, т. 3.
29. Покровский Ф. В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы. — В кн.: Труды девятого археологического съезда в Вильне 1893. М., 1897, т. 2.
30. Sėhak-Hofubowiczowa H. Materiały i zagadnienia cmentarzyska kurhanowego koło wsi Nawry w powiecie Postawskim. — RA, Wilno, 1937, t. 1.
31. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие, 2. — САИ. М., 1966, вып. E1-36.
32. Сергеева З. М. Курганы у д. Новинки (Витебская область). — КСИА, 1975, вып. 144.
33. ПСРЛ. — М.: Восточная литература, 1962, т. 2.
34. Вольтер Э. А. Следы древних пруссов и их языка в Гродненской губернии. — ИОРЯС АН. СПб., 1912, т. XVI, вып. 4.
35. Тарасенко В. Р. Раскопки городища „Шведская гора” в Волковыске в 1954 г. — В кн.: Материалы по археологии БССР. Минск: Изд-во АН БССР, 1957, т. 1.
36. Гуревич Ф. Д. Древний Новогрудок. Посад — окольный город. — Л.: Наука, 1981.
37. Штыхов Г. В. Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.). — Минск: Наука и техника, 1978.
38. Воронин Н. Н. Древнее Гродно. — МИА, 1954, № 41.
39. Лысенко П. Ф. Археологические исследования древнего Берестя в 1969 г. — В кн.: БС. Мінск, 1972.

40. Гуревич Ф. Д. Прибалтийский импорт в Понеманье в X—XIII вв. — В кн.: От эпохи бронзы до раннего феодализма. Таллин: Эсти раамат, 1966.
41. Алексеев Л. В. Раскопки древнего Браслава. — КСИА, 1960, вып. 81.
42. Штыхов Г. В. Сравнительное изучение древнейших городов Полоцкой земли и памятников их окрестностей. — В кн.: ДБ. Минск, 1966.
43. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. — М.: Наука, 1966.
44. Штыхов Г. В. Раскопки в Лукомле в 1966—1968 годах. — В кн.: ДБ. Минск, 1969.
45. Левашова Б. П. Сельское хозяйство. — Тр. ГИМ, 1956, вып. 32.
46. Звяруга Я. Г. Сельскагаспадарчыя прылады X—XIV ст. ст. з раскопак гарадоў Верхняга Панямоння. — В кн.: Этнаграфічны зборнік. Мінск: Навука і тэхніка, 1975.
47. Lietuvių materialinė kultūra IX—XIII amžiuje, t. 1. — Vilnius: Mokslas, 1978.
48. Кадисев С. А., Купченко Г. В., Зверуго Я. Г. Железные изделия древнего Волковыска. — В кн.: Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
49. Шноре Э. Д. Асотское городище. — В кн.: МИАЛ. Рига: Изд-во АН ЛатвССР, 1961, т. 2.
50. Зверуго Я. Г. Отчет Верхненеманского отряда Белорусской археологической экспедиции о полевых работах в 1976 году. — Архив ИИ АН БССР, № 542.
51. Hořubowicz W. Ceramika słowiańska XI—XII wieku cmentarzyska kola wsi Nawry. — RA. Wilno, 1937, t. 1.
52. Кирьянов А. В. Материалы по истории земледелия из раскопок в Гродно. — МИА, 1954, № 41.

SLAWISCH-BALTISCHE KONTAKTE IM FRÜHEN MITTELALTER

J. Swerugo

Zusammenfassung

Fast das ganze Territorium Belorusslands war bis zur Mitte des ersten Jahrtausends u. Z. von Balten bewohnt. Die ostslawische Kolonisation der Flussgebiete des oberen Dnepr (Werchnee Podneprowje), der Dwina und des Nemunas kennzeichnete sich durch die Assimilation mit den Balten. Slawen und Balten hatten im frühen Mittelalter keine ständige ethnische Grenze. Zwischen kompakten ethnischen Gruppen befand sich umfassende Region, wo die Völker „verstreuliegend“ wohnten. Unter dem Einfluss des baltischen Substrats eigneten sich die Slawen einige Elemente des Beerdigungsrituals eigentümlicher Völker an. Ausser den Haushalts- und Wirtschaftsgegenständen, die für Slawen typisch waren, findet man in den Grabhügelfeldern solche, die sich auf den baltischen Altertum beziehen. Die reichen Funden der Städteausgrabungen zeugen davon, dass Balten und Slawen enge kulturelle und wirtschaftliche Beziehungen hatten. Zu der baltischen Einfuhr gehörten Bernstein, Bernsteinerzeugnisse, Metallschmuckbeigabe, Amuletten und verschiedene Toilettengegenstände u. a. Einige von diesen Erzeugnissen waren aus baltischen Ländern hergebracht, andere wurden selbständig nach dem baltischen Vorbild hergestellt.

ДРЕВНОСТИ БАЛТОВ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ

В. И. Шадыро (Минск)

Отсутствие письменных источников и недостаточность археологического материала долгое время не позволяли составить представление об истории и культуре племен, населявших с I тысячелетия до н. э. до

первой половины I тысячелетия н. э. север Белоруссии, т. е. бассейна Западной Двины в пределах Белоруссии (Витебская обл. без самой южной ее окраины).

В советский период и особенно за последние 20 лет изучения стало возможным дать научную интерпретацию новым данным и определить их место среди древностей раннего железного века лесной полосы Восточной Европы. Изучение материала городищ Белорусского Подвинья (рис. 1) позволило А. Г. Митрофанову объединить древности Белорусского Подвинья и идентичные им смоленские в один этнокультурный массив под названием днепро-двинской культуры [1, с. 137—138]. Последние исследования Е. А. Шмидта [2], А. Г. Митрофанова [3], В. В. Седова [4], Р. С. Минасяна [5] и автора [6] дают возможность очертить границы днепро-двинской культуры (рис. 2).

Основным типом поселений днепро-двинской культуры Белорусского Подвинья были укрепленные холмовые и мысовые поселки-городища. Селища, одновременные городищам или предшествовавшие им, пока не выявлены. К настоящему времени на изучаемой территории, изобилующей всхолмлениями ледникового происхождения,

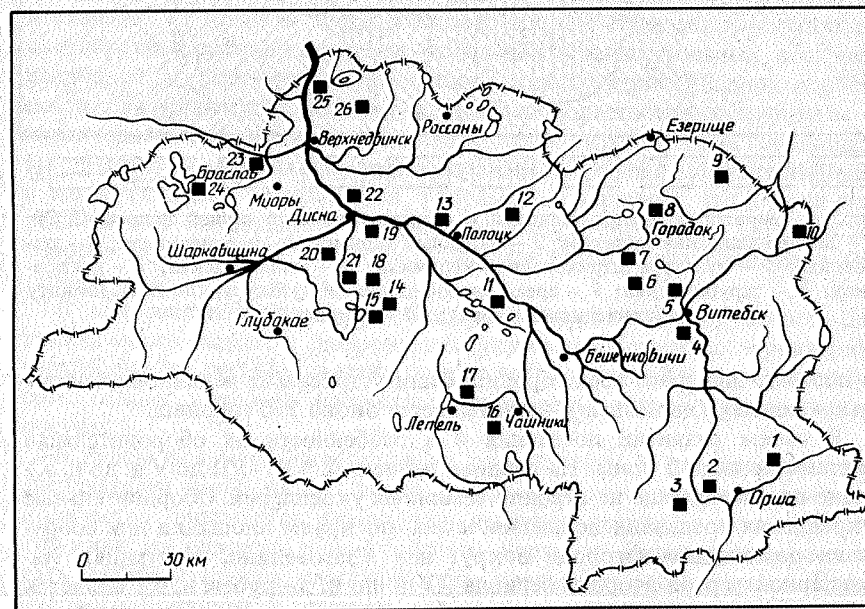

Рис. 1. Городища Белорусского Подвинья, на которых производились раскопки: 1 — Германы; 2 — Черкасово; 3 — Дымокуры; 4 — Бароники; 5 — Лужесно; 6 — Зароново; 7 — Казиново; 8 — Бураково; 9 — Загорцы; 10 — Тербакунь; 11 — Загавалино; 12 — Девички; 13 — Горовые; 14 — Черемично; 15 — Кубличи; 16 — Кострица; 17 — Боровно; 18 — Замошь; 19 — Мазурино; 20 — Язно; 21 — Поддубники; 22 — Барсуки; 23 — Прудники; 24 — Ратюники; 25 — Урагово; 26 — Абрамово